

А Иннокентий Анненский. Театр Леонида Андреева

Серия "Литературные памятники"

Иннокентий Ф. Анненский "Книги отражений", М., "Наука", 1979

OCR Бычков М.Н.

I

Опять три сестры на сцене. Но на этот раз уже не чеховские. Те были барышни высокой души и чарующей нежности, а эти – черствые и злые мещанки.

Те озаряли, а с этими страшно. Те были воздушные, а эти – Анфиса с сестрами – снедаемы темными страстями. Там Марья Сергеевна Кулыгина, несмотря на своего Федора Ильича, казалась чистой и мечтательной девицей. Здесь подросток Нина – кажется преждевременно проституированным созданием, которое лишь для целей соблазна одели в гимназический передничек.

Наконец, у тех было два идола: один наследственный от Чехова – Москва, а другой собственный, семейный, полозовский – Андрюша. А у этих, новых, один только Федя и есть.

Как брат, Андрюша был кумир вполне безобидный и отчасти даже трогательный. Андрюша был сама идиллия. "Вы слышите? Это Андрюша играет на скрипке. О, у него удивительные способности". Но не таков новейший Федя. Любовник по специальности, он лишь как-то мимоходом оратор и скандалист. Все данные, таким образом, в нем налицо, если не для трагедии, так уж, во всяком случае, для абзаца в хронике с сенсационным заголовком.

"Три сестры" Чехова были в свое время таким откровением для сцены, что нет ничего мудреного, если и, помимо сходства в основном рисунке, новая пьеса Леонида Андреева не могла уйти от обаяния драмы трех чеховских сестер. И точно: перед нами та же бестолковщина праздной жизни, те же ораторы и те же остряки. Так же, когда автор боится за свои ресурсы, за сценой начинает играть музыка, а на сцене и кстати и некстати, но так же охотно – жуют, язвят и балаганят.

Есть даже общая деталь у обеих пьес, и притом весьма характерная, – уцелевший от прошлого и молчаливый свидетель.

Чехов был мягкий и элегический человек, и он сделал из этого "жизненного quand-теме" {Здесь: вопреки всему (фр.).} старого доктора. Помните, Чебутыкин, тот самый, который "представьте себе, Добролюбова и только по газетам знает". Но Андреев желчен, он – мистик и фаталист. Ему уже не до "Тара-ра-бумби" и вообще не до Чебутыкиных. Что ему за дело, скажите, до сентиментальных представлений сестер Полозовых о доме на Басманной и человеке, который был влюблен в их мать. У него quand-теме вырядился древней прабабкой, которая притворяется глухой, но в сущности никакая не прабабка, а нечто Высшее – не то Усыпленная Совесть (см. Филарета {1}), не то Немезида (см. для скорости-малого Брокгауза).

II

Эстетическую работу двух мастеровых нельзя даже и сравнивать. Чехов все равно что создал новый русский театр. Леонид же Андреев воспринимает его как нечто данное. И не только воспринимает, но ему приходится формировать по чеховским моделям свое оригинальное, более того, органически чуждое чеховщине дарование.

Для Чехова жизнь в самых уродливых, самых кошмарных своих проявлениях претворялась в нечто не только красиво-элегическое, но и левитановски-успокоительное. Оттого-то Чехов так любил и с таким смаком отделял ее детали и смаковал словечки. Вы можете в чеховской пьесе по желанию сосредоточиться на любом из проходящих перед вами лиц, хотя бы второстепенном, и это отнюдь не нарушит цельности вашего созерцания. Чехов ничему в своей любовной работе не давал ни слишком ярко блеснуть, ни бесследно пропадать. С таким же художественным вниманием он надевает на Наташу ее зеленый кушак, с каким дает Ирине оплакать рыцаря фон Тузенбах. Все через пенсне и с тонкой улыбочкой, поеживаясь.

Если не хватает средств литературных – бутафора за бока: там шарманка